

ПОТОМ ОНИ КАЯЛИСЬ В КЛЕВЕТЕ НА ЦАРЯ...

И.Ф. НАЖИВИН

Автор многочисленных романов, в которых клеймил монархический государственный строй.

"В дни моей молодости хороший тон непременно требовал от молодого человека роли "сознательной личности" и "борьбы за народ".

В ряды этих - увы!
малосознательных личностей становились тогда не только представители буржуазии, как я.

Мы все знаем имена Рябушинских, Третьяковых, Коноваловых, Саввы Морозова и прочих, но и аристократы, как кн. П.А. Кропоткин, гр. Л. Толстой, князя Шаховские, кн. Хилков, Чертков, Чичерин и пр. Потом к ним примкнули даже и Великие Князья...

В виде иллюстрации процитируем знаменитое интервью Вел. Кн. Кирилла Владимировича, которое он дал в своем дворце корреспонденту "Биржевых ведомостей" по предварительной договоренности и, следовательно, имел время хорошо продумать свои слова:

"... даже я, как Великий Князь, разве я не испытывал гнет старого режима? Разве я был спокоен хоть минуту, что, разговаривая с близким человеком, меня не подслушивают... Разве я скрыл перед народом свои глубокие верования, разве я пошел против народа? Вместе с любимым мною гвардейским экипажем я пошел в Государственную Думу, этот храм народный... смею думать, что с падением старого режима удастся, наконец, вздохнуть свободно в свободной России и мне... впереди я вижу лишь сияющие звезды народного счастья..." ("Биржевые ведомости". 1917. № 16127 (вечерний выпуск). 9/22 марта. С. 1). – Ред).

Красная одурь росла как на дрожжах; русский человек непременно требовал себе "неба в алмазах"... Заболел этой общественной оспой и я... Неба в республиканских и социалистических алмазах хотел и я...

Войдя в общественную жизнь в качестве писателя, я не замедлил, понятно, устроить России "вселенскую смазь": только мы - "передовики", можем устроить ее дела, а все, что не с нами, подлежит анафеме и должно быть брошено на историческую свалку.

Первая революция 1905 г. очень охладила мои революционные устремления, а вторая 1917 г. и совсем подсекла их в корне навсегда. Но разбег все же владел еще мною, и я смотрел на деятелей "старого режима" с неприязнью. К великому моему сожалению, в их число попал и Государь Николай II.

Но, исследуя для своих романов наше прошлое, я все более и более убеждался, что он совсем не был ни глупым, ни безвольным... "Глуп" он был только потому, что не разделял наших заблуждений, а безвольным представляли мы его потому, что он не только ни в малейшей степени не обладал нашим основным и тяжким пороком - самоуверенностью ("мы все знаем"), но наоборот, был беспредельно скромн... Частые беседы с Л.Д. Корсаковым, которому случалось близко видеть жизнь Царского (села) сост), окончательно убедили меня в том, что мы, "общественники", были непроходимыми ослиами (один Милюков с его подлой "глупостью или изменой" чего стоит!, и что на нас лежит ответственность за гибель несчастной, затравленной нами Царской семьи...

Я посвятил этой страшной трагедии нашей целый том "Уставшая Царевна". Но когда-то он в наше смутное время еще выйдет! А смерть не ждет: мне уже 65; и потому, не откладывая дела, я считаю долгом своей совести теперь же покаяться в своей грубой и жестокой общественной ошибке: не Царь был виноват перед нами, а мы перед ним, за нас пострадавшим.

За нашу ошибку мы пострадали очень строго, но все же нет тех страданий, которыми мы могли бы до конца искупить наше преступное легкомыслие и смыть с наших рук и душ кровь наших жертв, бедного Государя и его близких.

Я очень прошу моих читателей, если они встретят в моих томах суровые отзывы о погибшем Государе, Государыне и их близких, истолковывать эти мои грехи в свете этого письма "всем": я виноват в этой ужасной ошибке и готов еще и еще искупать ее, как мне укажет суровый Рок".

25 апр. 1939 г.

Цит. по: "Часовой". 1951. № 304; "Вестник Храма-Памятника". 1981. № 241

ПОДБОРКА ИЗ ЖУРНАЛА «ИМПЕРСКИЙ ВЕСТНИК»

Московская государственность покоилась не на силе и не на покорении властью народа, а на преданности и любви народа к носителю власти. Западные республики покоятся на народном признании. Но ни одна республика в мире не была так безоговорочно признана своим народом, как самодержавная Московская монархия... Левые партии изображали Царскую власть, как теперь изображают большевиков. Уверяли, что "деспотизм" привел Россию к упадку. Я, старый боевой террорист, говорю теперь, по прошествии времени - это была ложь.

Никакая власть не может держаться столетиями, основываясь на страхе. Самодержавие - не насилие, основа его - любовь к Царям. Ведь Россия - государство Востока. Монархия была теократией. Царь - Помазанник Божий. И никогда не было восстаний против Царя. Не только в Московский период, но и в Императорский - Царь был почти Бог".

И.И. БУНАКОВ-ФОНДАМИНСКИЙ - один из лидеров террористической организации социалистов-революционеров. Из речи на собрании социалистов-революционеров в Париже в январе 1929 г. - Цит. по: "Двуглавый Орел". 1929. № 25.

Порою даже внимательные иностранцы, не подчиняясь шаблонам своего окружения, подмечали в российском Императоре совсем иные качества. Например:

"По личному впечатлению и на основании суждений высокопоставленных лиц Русского Двора, я считаю Императора Николая человеком духовно одаренным, благородного образа мыслей, осмотрительным и тактичным; его манеры настолько скромны и он так мало проявляет внешней решимости, что легко прийти к выводу об отсутствии у него сильной воли; но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определенная воля, которую он умеет проводить в жизнь самым спокойным образом".

Из доклада германскому правительству германского поверенного в делах в С.-Петербурге графа Рекса.

"Царь благожелателен, любезен в обращении, но не так мягок, как зачастую думают. Он знает, чего хочет, и не дает никому спуска. Он настроен гуманно, но желает сохранить самодержавный строй. Свободно думает о религиозных вопросах, но никогда публично не вступит в противоречие с Православием.

Хороший военный. Не любит парламентов и сказал об Эдуарде VII: "он в своей стране ровно ничего не может сделать".

Принц Генрих Прусский, брат Императора Вильгельма. 1901 г.

"Он предан своим идеям. Он защищает их терпеливо и упорно. У него продуманные планы, которые он постепенно проводит в жизнь. Царь обладает сильной душой и мужественным, непоколебимым верным сердцем. Он знает, куда он идет и чего хочет" (Эмиль Лубэ, президент Французской республики).

"Тот строй, который был в нем [Императоре] воплощен, которому он давал жизненный импульс, - к этому моменту [начало 1917 г.] уже выиграл войну для России... Пусть его усилия преуменьшают. Пусть чернят его действия и оскорбляют его память, - но пусть скажут: кто же другой оказался более пригодным?"

Уинстон Черчилль. "Мировой кризис".

Общие покаяния нескольких известных февралистов за их антимонархическую революцию. Их слова опровергают расхожие мнения либеральных демократов, что большевики "исказили завоевания прогрессивного свободолюбивого Февраля".

С.П. МЕЛЬГУНОВ - член Оргкомитета Народно-социалистической партии, назначен Временным правительством уполномоченным по обследованию архивов и разработке политических дел.

"Представление о Николае II приходится сильно изменить после всего того, что теперь опубликовано... Несомненно, сильно преувеличено и представление о совершенно исключительном политическом влиянии находящегося при Дворе "Друга" [Распутина]... Правая общественность... грозно внушала: пошатнется власть Царская и погибнет Россия, разодранная партийными распрями... Увы! она пока в значительной степени оказалась правой, как прав был и тот народоволец [Л.А. Тихомиров], который сменил вехи и который записал в свой дневник: "монархия идет к гибели, а без монархии у нас лет 10 неизбежная резня"...

Никакая стихия не может оправдать тех, кто в революционную бурю взялись вести государственный корабль... Они все на первых порах, сознательно или бессознательно, потакали стихии и курили фимиам великой бескровной революции... Переворот дезорганизовывал, а не организовывал победу" ("На путях к дворцовому перевороту").

П.Н. МИЛЮКОВ - лидер кадетской партии, министр первого Временного правительства. После его удаления из Временного правительства весной 1917 г. он сказал в обращении к своим единомышленникам:

"В ответ на поставленные вами вопросы, как я смотрю на совершенный нами переворот, я хочу сказать... того, что случилось, мы, конечно, не хотели... Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета, что громадную разруху в армии остановим быстро, если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, поплатимся за свержение Царя лишь некоторой отсрочкой этой победы. Надо сознаться, что некоторые, даже из нашей партии, указывали нам на возможность того, что произошло потом... Конечно, мы должны признать, что нравственная ответственность лежит на нас.

Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала войны, вы знаете также, что наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать свое согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть мое внутреннее состояние в настоящее время. История проклянет вождей, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю.

Что же делать теперь, спросите вы. Не знаю, то есть внутри мы все знаем, что спасение России - в возвращении к монархии. Знаем, что все события последних двух месяцев явно доказывают, что народ не способен был принять свободу, что масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие, голосующие за республику, делают это из страха. Все это ясно, но признать этого мы не можем. Признание есть крах всего дела, всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями..." (Цит. по: "Вече". 1983. № 11)

Ф.А. СТЕПУН - после Февральской революции был начальником Политуправления Военного министерства.

Он описывает в поздних воспоминаниях о том, как его вместе с другими революционерами разместили в комнатах Большого Дворца:

"Душе было смутно и нехорошо: пребывание в Царских покоях устыжало, словно я кого-то обокрал и не знаю, как бы спрятать краденое, чтобы забыть о

краденом..." "Чья вина перед Россией тяжелее - наша ли, людей "Февраля", или большевицкая - вопрос сложный..."

("Бывшее и несбывшееся", 1948).

А.В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС - одна из организаторов кадетской партии, участник Февральской революции.

"Когда упала Корона, многие с изумлением заметили, что ею заканчивался, на ней держался центральный свод русской государственности... Заполнить опустошение оказалось не под силу кадетам". (Цит.по: "Грани". 1980. № 130.)

Источник:

МОСКВА (НАША ДЕРЖАВА - СОЮЗ ПРАВОСЛАВНЫХ ОФИЦЕРОВ).